

ПИСАТЕЛЬ ЗА РАБОЧИМ СТОЛОМ

ЖИЗНЬ СТУЧИТСЯ В СЕРДЦЕ...

СОСНЫ обступают кольцом светлый дом, отбегают толпой на дюны и останавливаются у песчаного обрыва, за которым шумит, не смолкая, Балтийское море. Здесь раздолье ветрам и солнцу. Дом не прятается от них, не закрывается ставнями. Здесь любят ветер, воздух, солнце и гостей. Сюда частенько наезжают друзья латышского писателя Жана Гривы, а они — по всему миру...

Много раз навещал писателя и его старый боевой товарищ Ян Палкавник, когда-то бесстрашный артиллерист-интербригадовец. Воспоминания, воспоминания... И словно раздвигаются стены дома, и молодой артиллерист-разведчик Жан Фолманис, будущий писатель Жан Грива, снова ведет свой первый бой под Мадридом, в страшную жару, от которой пересохла губы и, кажется, вот-вот лопнет голова. И вспоминаются ожесточенные бои под Кордовой когда видел, как за одну ночь седеют люди...

Испания, ее героическая борьба за свободу определили во многом творческий путь писателя. Испанскими рассказами вошел Жан Грива в латышскую литературу. Об Испании повествуют его большой роман «Любовь и ненависть» и пьеса «Преступление в Гренаде». Эта пьеса, посвященная последним дням жизни великого испанского поэта Гарсиа Лорки, полна глубоких раздумий о месте художника в жизни и борьбе своего народа.

Я НЕ ОШИБУСЬ, если скажу, что природа одарила писателя спокойной душой. Стараюсь вспомнить, когда я был здесь в последний раз. Неужели больше года прошло с нашей последней беседы в стенах этого дома? Впрочем, это не удивительно. Жана Гриву не просто застать в Риге. О дальних странствиях рассказывают и интересные коллекции, и картины безвестного художника из гвинейских джунглей.

— Да, я опять много ездил. В прошлом году побывал в Болгарии с делегацией Верховного Совета. У меня там много друзей — и среди писателей, и среди бывших интербригадцев...

Кстати, во время второй поездки в Болгарию у меня произошла встреча со старым моим другом, которого я не видел двадцать пять лет. Это революционный писатель Кристо Белев, мы познакомились с ним в Испании... С тех пор нам не удавалось встретиться. Лишь в 1955 году Кристо прислал мне свою книгу — роман «Заводские девушки». И вот теперь — эта сердечная встреча на его земле.

В Риге я тоже не очень долго «засиделся» на одном месте. Как говорят моряки, «вышел в море» на теплоходе «Арагви» — капитаном на нем мой друг, Герой Социалистического Труда Бруно Кондрус. Путь наш лежал к берегам Африки.

Вообще каждая поездка приносит новые встречи, новые впечатления... Вот, например, когда я ездил в Казахстан на празднование юбилея Сакена Сейфуллина, в это время там проходило совещание чабанов. В качестве гостя я был на этом совещании, познакомился со многими чабанами — интереснейшие люди! Очень много впечатлений дала и поездка в Новосибирск. Я уже бывал там несколько лет тому назад и был поражен огромными переменами. Я увидел сегодняшний день нашей науки. Немало приходится мне ездить и по родной Латвии по своим депутатским обязанностям.

Сравнительно недавно вернулся из поездки по Франции. Ездили мы вместе с Чингизом Айтматовым. Написал заметки о встречах с французскими писателями, заметки опубликованы уже в нашем журнале «Карогс». Вот мне и пришлось побывать вновь во Франции. Там мне многое знакомо, и память сохранила имена многих французских друзей, помогавших нам, латышским подпольщикам, перебираться в сражающуюся против фашистов Испанию. Помню, как находился во Франции в концлагере, куда мы — бывшие интербригадцы — попали. Там в 1939 году буржуазное правительство Латвии лишило меня гражданства. Родину мне возвратила через год — в 1940-м — Советская власть.

«ТИПИЧНА» ли такая жизнь для писателя? Не отрывают ли постоянные поездки от творчества? Но ведь романы, пьесы, рассказы рождаются не только за письменным столом!

Сейчас в промежутке между путешествиями Жан Грива работает. Но главная его надежда — очутиться снова в каюте теплохода «Арагви», берущего курс на дальние страны, и там, где вокруг беспредельный океан и не звонит телефон, — закончить новую книгу — размышления о людях, о пережитом, о наших днях.

С этой книгой Грива спешит. — Теперь время горопит писателя. Так быстро все изменяется на земле. Пьеса «Беспокойные воды» заканчивалась у меня призывом к освобождению Кении. А сейчас уже Кения свободна...

У Жана Гривы, как всегда, много творческих замыслов.

— Хочется написать комедию. Со-

временную. Очень смешную. Меня постоянно тянет к театру. Каждый раз, когда пьеса, наконец, появляется на сцене, я говорю себе: «Хватит. Это было в последний раз». И... начинаю думать о сюжете новой пьесы. Вот сейчас не дает мне покоя случай из истории буржуазной Латвии, который мог бы стать основой для едкой сатиры на «за-

падную демократию»: ловкий международный аферист в течение долгого времени дурачит правящие круги, выдавая себя за представителя Лиги наций.

...Интересен замысел широкого прозаического полотна. Героями нового романа станут люди разных профессий и разных национальностей, — а как способствовали рождению персонажей новые знакомства, беседы, дружба с хорошими людьми разных стран! Основную мысль романа должно выражать название, взятое из стихотворения Яна Судрабкална: «В любом краю начнется день с рассвета». Как толкует автор эту мысль? Где бы ты ни жил, под какими звездами, — от того, настоящий ли ты человек, зависит жизнь и счастье многих людей. А настоящая жизнь — это жизнь, отданная борьбе за счастье других.

Давно вынашивается писателем и замысел сатирического, вернее, юмористического романа. В центре его станут колоритные, сочные образы крестьян и рыбаков родины Жана Гривы — Курземе.

— Этот роман я хотел бы посвятить своему деду, человеку неиссякаемой жизнерадостности, латышскому Кола Брюноньону. В наших краях существовал древний обычай: крестьянин заранее, при жизни, приобретал или мастерил себе гроб. Делался он на совесть, добротню. Так вот, мой дед за свою жизнь пропил три собственных гроба... Роман я бы назвал «Шальной курземец».

КАК строится рабочий день? — Не могу жить, не зная, что происходит в мире. Стало привычкой еще с испанской войны, вошло в плоть и кровь в годы подполья, на фронтах Отечественной. День начинается у меня с чтения прессы — вороха газет, журналов. Потом сажусь за работу. Вечером — книги. Перед сном долго верчу рычажок транзисторной «Спидолы», слушаю, чем живет, чем дышит мир...

Широта взглядов, кругозор — неизменная предпосылка открытий. Она помогала писателю искать новые пути. Вспомним хотя бы его лирический репортаж «Под крыльями альбатроса».

— Литература наша должна показывать весь мир, — говорит задумчиво Жан Грива. — В последнее время развитие идет вглубь — писатели раскрывают внутреннюю жизнь человека, его психологию. Но мне кажется, что в то же время несколько сузился кругозор, широта охвата действительности. А ведь задача наша — отвечать и на вопросы, стоящие перед людьми всего мира. Современный писатель не может искусственно отгораживаться от них. И задачи советской литературы в этом смысле всегда были широки. Вот один пример. Социалистические страны сейчас представляют собой огромную силу, оказывающую влияние на судьбы мира. А много ли у нас произведений, изображающих жизнь этих стран?

Наши молодые латышские писатели много ездят, пишут о разных странах и горизонтах, раздвигают привычные горизонты родной литературы. Но и этого еще мало.

...Уже вечер. Рокот моря все слышнее. Хорошо, что в этом доме окна распахнуты настежь! Жан Грива подходит к окну, и порыв родного балтийского бриза приносит запах соленой волны, словно вновь зовет в путь...

Р. ТРОФИМОВ

РИГА